

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

доктор философских наук, профессор

НЕИМОВЕРНАЯ СИЛА

Поколение победителей в романе К. М. Симонова “Живые и мертвые”

*Святая ярость наступленья,
Боев жестокая страда
Завяжут наше поколенья
В железный узел, навсегда.*

К. М. Симонов (1938 г.)¹

Необъяснимая стойкость русских

Дневник 1941 года, по признанию Константина Симонова (1915–1979), стал для него отправной точкой для создания романа “Живые и мертвые”². Оглушенность “бестолковщиной” и ужасом первых дней войны, когда он, двадцатипятилетний батальонный комиссар, несмотря на свой военный опыт Халхин-Гола, “был наивен, как мальчишка”³, зафиксирована в дневниковых записях, которые почти буквально воспроизводятся в первой книге трилогии, придавая ей особую – экзистенциальную – достоверность. Подобно своему кумиру – Льву Толстому – Симонов изображал человека в пограничных ситуациях: “перед лицом смерти”⁴. В своем стремлении донести до современников и потомков правду о “громадной и страшной войне” он выводил на первый план повествования ее живых (невыдуманных) участников, самоотверженные действия которых с восхищением наблюдал в тяжелейших боевых условиях. Один из них – командир 388-го стрелкового полка Семен Федорович Кутепов, бойцы которого в июле 1941 года с беспримерной стойкостью сдерживали натиск и технически, и численно превосходившего противника под Могилевым. Панорама тридцати девяти немецких танков и бронетранспортеров, разбитых и сожженных перед позициями и на позициях полка, не отступившего в бою ни на шаг, запомнилась Симонову на всю жизнь, а упрямый и бесстрашный командир полка, отказавшийся отступить, стал для него прообразом Серпилина. Возвращаясь к поразившему его эпизоду в послевоенных воспоминаниях, писатель так воссоздавал логику поведения старого служаки, прапорщика в Первую мировую войну, настоящего солдата, полковника Кутепова: “Мы так уж решили тут между собой: что бы там кругом ни было, кто бы там

¹ В этом стихотворении 1938 года (“Однополчане”) К. М. Симонов за семь лет до событий провидчески описывал бои под Кенигсбергом.

² Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. 1941 год. М., 1977. С. 4.

³ Там же. С. 6, 20.

⁴ Симонов К. М. Живые и мертвые. Роман в трех книгах. Книга первая. М., 1989. С. 51.

ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы. Вы походите, посмотрите, сколько накопано. Какие окопы, блиндажи какие! Разве их можно оставить? Не для того солдаты рюк укреплению, чтобы оставлять их. Истина-то простая, старая, а вот забывают ее у нас. Рюк, рюк. А мы вот нарыли и не оставим. А до других нам дела нет”⁵. В лице таких людей, как Кутепов, немцы, по мысли Симонова, в самом начале своей запланированной *молниеносной войны* столкнулись с “незапланированной ими силой сопротивления”⁶, с необъяснимой **стойкостью** русских, так и не понятой ими, судя по тому, что долгое время после своего полного краха продолжали списывать свои военные неудачи 41-го года на “суровый русский климат”, “грязь и распутицу”⁷ и т. п., не желая признать собственное недоумие и непреодолимое духовное превосходство противника. Исследуя истоки и природу “сверхъестественной” силы бойцов Красной армии – *солдатами не рожденных*, – писатель, возможно, неожиданно для себя пришел к пониманию религиозной основы нашей скрытой, непостижимой для врага духовной мощи. В самом деле, его любимые персонажи – политрук Синцов, комдив Серпилин, военврач Овсянникова, подполковник Климович – **люди веры**, живые носители исконно русского религиозного сознания, под давлением богоборческой идеологии принявшего нелепую форму атеистического мировоззрения. И во что бы они ни верили – в Советскую власть и ее “святое и незапятнанное дело” (коммунизм), “в свою армию, в своих товарищей, наконец, в самого себя” (как Синцов) или в ставшего для них *богом войны* Сталина (как Серпилин и его друг из Генштаба Иван Алексеевич) – именно вера помогла им выдержать “страшную тяжесть первых дней войны”, перестрадать их в “сумятице и панике прифронтовых дорог”⁸, преодолеть состояния бессилия, тоски и отчаяния при виде лавины беззащитных соотечественников-беженцев и, главное, достойно пройти через испытание *абсолютным страхом*, страхом насильственной смерти, нередко превращающим человека в животное, в предателя или раба. Заметим, между прочим, что вера, в понимании Симонова, представляет собой нечто большее, чем “сила жизни” (как у Толстого): завязывая в “железный узел” сражающееся за Родину **поколение сталинцев**, обретая, таким образом, статус ударной *духовной силы* мировой истории, вера наращивает свою мощь и действенность за счет связи ее живых носителей с миром *мертвых*. “Он не пережил бы тех дней без этой веры, с которой незаметно для себя, как и миллионы других военных и невоенных людей, втянулся в четырехлетнюю войну”⁹, – читаем о Синцове в первой же главе романа.

Имя воющего народа – СТАЛИН

Любопытно, что в трилогии Симонова нет и тени так называемого “культа личности”, сфабрикованного ненавистной Сталину бюрократией вопреки воле вождя, зато есть явные признаки символической реконструкции *культа мертвых*, без которого немисливо существование народа в качестве *соборного субъекта* исторического действия. Поколения, теряющие духовную связь со своими отцами, дедами и прадедами, забывающие о великих предках, превращаются в пыль, в этнографический материал для губительных социальных экспериментов, инициируемых всякого рода самозванцами-авантюристами или просто недоумками. Одно из самых сильных потрясений запечатленного в романе “великого и трудного времени” было связано с поездкой Симонова осенью 1941 года в смоленскую глушь в поисках наших вышедших из окружения дивизий. “По проселкам шли только мобилизованные, – вспоминал Симонов. – В деревнях оставались женщины. Они выходили на дорогу, останавливали машину, выносили из погребов крынки с холодным молоком, поили нас, крестили и вдруг, как-то сразу перестав стесняться, что мы военные и партийные, говори ли нам: “Спаси вас господи. Пусть вам бог поможет”, – и долго смотрели нам вслед. ... Деревни были маленькие, и около них, обычно

⁵ Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. 1941 год. С. 122.

⁶ Там же. С. 40–41.

⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 36.

⁸ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга первая. С. 39.

⁹ Там же. С. 37.

на косогорах, рядом с покосившейся церквушкой... виднелись большие кладбища с одинаковыми, похожими друг на друга крестами. Несоответствие между количеством изб в деревне и количеством этих крестов потрясло меня. Я понял, насколько сильно во мне чувство родины, насколько я чувствую эту землю своей и как глубоко корнями ушли в нее все эти люди, которые живут на ней. Горести первых двух недель войны убедили меня в том, что и сюда могут прийти немцы, но представить себе эту землю немецкой было невозможно. Что бы там ни было, она была и останется русской. На этих кладбищах было похоронено столько безвестных предков, дедов и прадедов, каких-то никогда не виденных нами стариков, что эта земля казалась русской не только сверху, но и вглубь, на много саженей¹⁰. Пережитое тогда **потрясение** вскоре нашло свое лирическое выражение в волнующих и по сей день строках, написанных в ноябре 1941 года:

*Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.*

Казалось бы, что еще прибавить к сказанному о поразившем поэта будничном эпизоде военного времени? Тем не менее Симонов через четырнадцать лет возвращается к захватившей его тогда мысли о неразрывной мистической взаимосвязи живых и мертвых, увековечивая и в прозе, и в публицистике героев своего “великого и трудного времени”, собирая в художественном слове бесценные крупницы их уникального духовного опыта, обретенного в смертельной схватке с нацизмом. Мертвые не уходят, не оставляют наш мир навсегда, продолжая так или иначе поддерживать живых в противоборстве с силами разрушения и смерти. Без магической связи с русским миром, включавшим в свой состав и живых, и мертвых, вряд ли Сталину удалось бы стать для воюющего народа человеком-символом, более того — Верховным “богом войны”¹¹, запустившим механизм мстящей справедливости, а для узкого круга “знающих людей”¹² — исполнителем грандиозного “религиозного задания” (используем термин евразийцев), продолжателем Великого Дела противостояния красной России экспансии романо-германской цивилизации, выдвинувшей на этот раз в качестве своего авангарда черный орден СС. Сталин понимал скрытый, инфернальный смысл нового нашествия “тевтонцев” и знал, как защитить страну в этой “войне мировоззрений”¹³ — на уровне духовного противоборства рас и народов, хотя в его кремлевском кабинете вместо иконописных ликов русских святых мы (вместе с автором романа) видим лишь портреты Суворова и Кутузова¹⁴. Благодаря Сталину испытанные и закаленные в борьбе с Западом Александр Невский, Суворов, Багратион и Кутузов словно восстали из мертвых, став незримыми участниками неожиданного для гитлеровцев по своему упорству сопротивления. С воодушевлявшей воюющий народ решимостью Сталин использовал символику русского духовно-исторического сознания и в психолого-идеологическом, и в военно-политическом противодействии эзотерическому гитлеризму. Символы русской святости использовались накануне и в ходе нашего контрнаступления под Москвой, в битве за Сталинград (Красный Царицын), победа в которой предопределила исход всей Второй мировой войны. Подвиги бойцов и командиров Красной Армии были отмечены наградами с ликами наших выдающихся полководцев.

¹⁰ Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. С. 84–85.

¹¹ Симонов К. М. Живые и мертвые. Роман в трех книгах. Книга вторая. Солдаты не рождаются. М., 1989. С. 668–669.

¹² Там же. С. 661.

¹³ Водолагин А. В. Собрание духа. Пути и беспутьство русской мысли. Саарбрюкен, 2013. С. 154–167.

¹⁴ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 169. О портретах Маркса и Ленина Симонов даже не упоминает.

И совсем не случайно капитуляцию германской армии в Карлсборсте по поручению Сталина принимал 70 лет назад Г. К. Жуков – **русский Георгий Победоносец**. Присутствовавший при подписании акта о безоговорочной капитуляции Константин Симонов вспоминает в дневниках красивое, сильное, *сияющее* лицо Жукова, которое было совсем другим шесть лет назад после победы над японцами на Халхин-Голе – насмешливо-спокойным и холодным¹⁵. Теперь же в его лице – сияние русского духа – Победителя, получившего “венец жизни”. И на Параде Победы в Москве 24 июня 1945 года мы видим тот же русский дух *верхом на белом коне* и вззирающего на действо с высоты своего сверхчеловеческого величия “бога войны” Сталина.

Внизу же, где многого не знают, но верят и пытаются думать, апокалиптическая схватка совершалась в кровавых, чудовищно-зримых проявлениях. Комбат Синцов, превозмогая страх смерти, бил ненавистных врагов под Москвой и Сталинградом, исполняя неписанный **закон возмездия**, мстя за миллионы замученных и убитых соотечественников; и, как кажется, уже не знавший страха Серпилин накануне контрнаступления под Сталинградом ощущал “у себя за спиной толпу мертвых...”¹⁶, призывавших оставшихся в живых к свершению *всемирного суда* над нацизмом. При этом для обоих, как и для огромного большинства участников “незапланированного” агрессором сопротивления, была крайне важна прямая связь с *Верховным*, “железная воля” которого воспринимается как нравственная сила, освобождающая народ от иллюзий, восстанавливающая справедливость. Нужно сказать, что в изображении Сталина мы не находим у Симонова и следов “социалистического реализма”: реальная историческая фигура Верховного Главнокомандующего вырисовывается в романе в контексте *переживаний сознания* того или иного персонажа, то есть феноменологически. Это, скорее, некий *идеал-реализм* в захватывающих художественных образах, – способ мышления, сформировавший философский подтекст романа. Посмотрим, к примеру, как политрук Синцов (*alter ego* автора) выходит из состояний *потерянности*, “ужаса и недоумения”, вспоминая во всех подробностях речь Сталина 3 июля 41-го года, его “пронзившее душу обращение”: “Друзья мои!”, которое потом целый день повторял весь госпиталь... “Как, отдал бы я свою жизнь за Сталина, если б мне вот просто так пришли и сказали: умри, чтобы он жил? Да, отдал бы, и сегодня проще, чем когда-нибудь!” “Друзья мои...” – повторяя слова Сталина, прошептал Синцов и вдруг понял, что ему уже давно не хватало во всем том большим и громадным, что на его памяти делал Сталин, вот этих сказанных только сегодня слов: “Братья и сестры! Друзья мои!”, а верней – чувства, стоявшего за этими словами. ...Главным же, что оставалось в душе после речи Сталина, было напряженное ожидание перемен к лучшему. И это ожидание как будто начало оправдываться даже скорей, чем думалось, – в первую же неделю¹⁷. Такова исцеляющая **магия религиозно фундированной политической воли**. В поразившем Синцова обращении тот, кого привыкли считать недосягаемым в своем могуществе и величии вершителем судеб мира, обращается к соотечественникам, как к равным себе, “как человек, связанный со всеми ними общим горем, которое вместе хлебать”¹⁸, обрушивая (пусть на мгновение) все условности социальной иерархии, отменяя непреодолимость дистанции между властвующим и подвластными. В результате исчезает пугающая атмосфера отчуждения и возникает неформальная, прямая духовно-практическая **связь служащего своему народу вождя** (служащего, а не господствующего над ним) **с каждым доверяющим ему, верящим в него индивидом**, связь, которая до поры до времени не может быть нарушена раболепствующей перед правителем партийной бюрократией – *проклятой кастой*. По сути, одним своим живым, искренним словом Сталин разрушил типичную для авторитарных режимов модель отношений господства и подчинения, положив начало иной форме властвования, ассоциировавшейся для него с **духовным братством** стражей платоновского “идеального государства”, о котором он узнал еще в юности, в период обучения в Тифлисской духовной семинарии. При этом в “рабском сознании” холуйски прислуживавшего вождю “жречест-

¹⁵ Симонов К. М. Разные дни войны. Т. II. М., 1977. С. 777.

¹⁶ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 13.

¹⁷ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга первая. С. 67.

¹⁸ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 673.

ва” он так и остался тираном. Оценивая эпохальный масштаб исторической фигуры Сталина в его все еще неразгаданном *в-себе-бытии*, важно учитывать, кем он был в своем *бытии-для-другого*, для соратника по борьбе, который видел в нем *товарища* Сталина (как Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. Х. Баграмян и многие другие), а не *господина*, и, с другой стороны, для затаившегося врага, опасную близость которого Сталин ощущал постоянно более трех десятилетий (*Иудушки* Троцкого, “красного Бонапарта” Тухачевского, замаскированного троцкиста *подхалима* Хрущева и др.). При этом важно понять, что так называемый “*культ личности*” – *фантом рабского сознания*, взращенный жрецами сталинизма, всякого рода “инженерами человеческих душ”, *богостроителями*, изобретателями *религии человекобожества*¹⁹ – теми, кого терпеть не могли *лучшие люди* в окружении Сталина, кто готовил ему – своему Хозяину и Господину – “смерть вторую” в 1956 году. Размышляя вместе со своими героями о мере сверхчеловеческого величия Сталина, Симонов не отрицал в нем ни явных признаков деспотического самовластья, ни проявлений “нечеловеческого презрения к людям”²⁰, свидетельствовавшего, между прочим, о том, что в эпоху “*крушения гуманизма*” он, ради спасения “не на жизнь, а на смерть воевавшей страны”²¹, с которой себя отождествлял, был вынужден стать выше человеческого, *слишком человеческого*, в том числе и в отношениях к своим ближним, с которыми был довольно-таки жесток, а иногда и чрезмерно жесток. Это не мешало ему – *сверхчеловеку* в формате мировой истории, казалось бы, полностью освободившемуся от человеческих привязанностей, – в повседневных обстоятельствах совершенно искренне проявлять понятную людям и восхищавшую их человеческую теплоту. Примечательно, что в сцене общения Верховного Главнокомандующего с приехавшими к нему в Кремль партизанами Сталин не проявлял никаких признаков *харизматического лидерства*, и гости его, по словам Симонова, радовались “отеческому вниманию Сталина ко всем подробностям их партизанской жизни” и тому, как он отмахнулся от вошедшего с докладом генерал-лейтенанта²². Многочисленные документальные подтверждения простоты и благожелательности Сталина в сочетании с поражающей эрудицией и прозорливостью, граничившей с ясновидением²³, находим в мемуарах наших выдающихся полководцев-победителей, совершенно свободных от каких-либо элементов раболепия в отношении к Верховному Главнокомандующему, не боявшихся оспаривать его мнение по тому или иному вопросу стратегической значимости. Маршалу Г. К. Жукову запомнился ноябрьский эпизод 1941 года, когда, после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта, Сталин позвонил ему и спросил: “Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист”²⁴. И Жуков говорил, как всегда, честно и прямо, отвечал первому среди равных, в чем-то не соглашаясь с ним, споря. Это было нормой в общении с *Верховным*. И страна побеждала, была на подъеме, пока во главе ее был человек “с болью в душе” – за Родину.

Москва в понимании ритуала-нестяжателя Сталина – град Божий, Новый Иерусалим, центр мировой истории, и его “боль в душе” за Москву в ноябре 1941 года таила в себе планетарный смысл. Взрывая Ново-Иерусалимский монастырь под Москвой, гитлеровцы уничтожали символ русского “Царства Небесного” (= коммунизма), низведенного Сталиным с небес на землю. В романе “Живые и мертвые” Константин Симонов возвращает нам то понимание русского коммунизма как “святого и незапятнанного дела”, которое было отвергнуто раболепствовавшей перед вождем партийной бюрократией – *проклятой кастой*.

Но и в нижних эшелонах власти, среди настоящих *русских коммунистов* (подобных Синцову, Серпилину и Малинину) никакого явного раболепия и низкопоклонства не было, хотя, как говорит один из персонажей Симонова,

¹⁹ Самый выдающимся среди них был русский ницшеанец М. Горький.

²⁰ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 669.

²¹ Там же. С. 672.

²² Там же. С. 167.

²³ Там же. С. 664.

²⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 31.

езде и всегда *сволочей хватало*²⁵. Было иное, восторженно-доверчивое, в чем-то инфантильное, отношение к гению “непререкаемой власти”. Обнаружилось оно и в провидческих словах двадцатилетнего поэта-фронтовика, писавшего в том же критическом для страны ноябре 1941 года:

*Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем.
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем. <...>
Товарищ Сталин, сердцем и душою
С тобою до конца твои сыны,
Мы твердо верим, что придем с тобою
К победному решению войны. <...>
Там в день победы мы увидим снова
Твою шинель солдатской простоты,
Твои родные, после битв суровых
Немного постаревшие черты.*

Двумя десятилетиями позже Симонов, уже очистивший свое сознание от элементов авторитарной психологии, пишет о том, как Синцов “с жадным любопытством” расспрашивал о Сталине у бывшего штабного офицера Артемьева, допытывался: “Объясни, какой он?..”²⁶ “Синцову хотелось знать это. Ему всю войну хотелось знать про Сталина как можно больше, потому что в глубине души ответ на вопрос — какой он, Сталин? — связывался с ответом на другой, главный вопрос: почему только сейчас, на второй год войны, наступает начало настоящей расплаты с немцами? Вопрос этот как бы ставил под сомнение меру величия Сталина и меру безошибочности его решений. А в то же время, когда комбат Синцов, полтора года проживший на переднем крае, всё еще искал ответа на вопрос: “Почему война шла так, а не иначе?” — в том, какой Сталин, — это было молчаливым признанием того места, которое занимал Сталин и в его мыслях о прошлом, и в его надеждах на будущее, да и вообще во всей его жизни”²⁷. В завершающей трилогию книге “Последнее лето” автор снова привлекает внимание читателей к загадкам той “громадной и страшной войны”, одна из которых так или иначе связана с нашим иррациональным отношением к мертвым: “И все ли верно потом разгадают, тоже вопрос, — подумал Синцов, незаметно перейдя от мыслей о настоящем к мыслям о будущем. В этом будущем занимали свое место и люди, которых уже не было. Но хотя их уже не было, что-то сохранившееся от них переходило в будущее. Какая-то часть их прижизненной силы и нравственного значения, оказывается, не умерла вместе с ними, а продолжала существовать и влиять сейчас на мысли Синцова о его собственном будущем и о будущем вообще, о том, что после войны все должно быть хорошо и справедливо. ... Была твердая вера в это. И частью этой веры в будущее была неумершая вера в умершего человека — в Серпилина”²⁸.

Хотя герой Симонова и не доходит в своем вопрошании-разгадывании до ослабляющего, а порой и парализующего *скептицизма*, оставаясь человеком веры, он в качестве *мыслящего существа*, во всяком случае, уже не чувствует себя “песчинкой” в снова обрушившейся с запада на восток лавине мировой истории, не считает себя “мелкой сошкой”²⁹ или *винтиком* в “бешеном колесе войны”³⁰. Мы видим, как *сталинец*, считающий, что “на войне надо думать. И, очевидно, все время”³¹, склоняется к довольно-таки необычному для коммуниста решению известного “вопроса о роли личности в истории”, чуждому как толстовству, так и *западному марксизму*. Изображая **движение мысли героя, рост его самосознания в ситуациях смертельной опасности**,

²⁵ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга первая. С. 29, 172.

²⁶ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 475.

²⁷ Там же. С. 476.

²⁸ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга третья. Последнее лето. С. 583.

²⁹ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 476.

³⁰ Там же. С. 579.

³¹ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга первая. Там же. С. 65.

Симонов развертывает перед читателем свое собственное *мышление о мышлении*, то есть настоящую, ни у кого не вычитанную философию, в частности, предлагает и свое решение одной из ключевых проблем историсофии. Его суть сформулирована во второй книге трилогии устами генерала Генштаба, друга загнанного в лагерь в 1937 году “за пропаганду превосходства фашистского вермахта” и вернувшегося в строй в 1941-м Серпилина: “Да, Сталин – это Сталин! И этим всё сказано, хотя ты знаешь о нем больше многих других, знаешь и то, что было перед войной, и то, что было в начале войны... А в то же время в его непререкаемом авторитете, даже просто в самом его имени, невероятная сила. Как-то уж так с годами вышло, что **все, во что верим: в партию, в армию, в самих себя, все, как жилы в трос, заплетено в это имя** (выделено мной. – **А. В.**). И на этом тросе тянем всю тяжесть войны. Все выбивающимся из сил народом тянем, а имя на всех одно: Сталин”³². Иосиф Сталин – не просто выдающаяся *личность*, и о себе он неспроста говорит “в третьем лице” или “мы”³³, словно навсегда отказался от своего “Я”. Не это ли увидел Серпилин в “безжалостно-холодных глазах Сталина”, когда пришел к нему с просьбой об освобождении своего друга и соратника по обороне Царицына в 1918 году, где и познакомился с членом Реввоенсовета И. В. Сталиным? “Увидел эти глаза и понял то, о чем до сих пор всегда боялся думать: жаловаться некому!”³⁴ Перед ним был человек, научившийся *переступать* через свои воспоминания, свободный от человеческих привязанностей, ничего не творивший *от себя* и для себя.

Сталинское “отрицание отрицания”

Таким образом, проблема не в личности Сталина и ее “роли в истории”. Мол, послушались бы большевики своего сраженного инсультом Ильича, приняли бы во внимание подмеченные им “некоторые личные черты” присущие Сталину и, глядишь, не случились бы “необоснованные” массовые репрессии. Так ли? По верной мысли одного из персонажей романа, **Сталин отождествил себя со страной** и тем самым (добавим от себя) **обрел статус “субстанционального деятеля”**, отбросившего всё личное. В его лице Россия-Евразия как подвижная, внутренне хаотичная историческая субстанция (*Континент-Океан*) получила субъекта упорядочивающей, “непререкаемой власти”, носителя коллективной *воли к мощи* и, таким образом, стала *субстанцией-субъектом*, ведущей силой мировой истории, *сверхдержавой*. Вот почему Сталин – не имя лица в его единичной субъективности, а имя “симфонической личности” – России, так что суть “сталинизма” не может быть сведена к “культу личности” Сталина и его последствиям, как это было сделано на XX съезде КПСС бывшим троцкистом³⁵, выдвиженцем Лазаря Кагановича Хрущевым и делается до сих пор его бездарными последышами – лакействующими перед США ельцинистами – с их жалкими проектами “десталинизации”. Суть сталинизма – в том *Великом Деле*, которому самоотверженно служил И. В. Сталин, практически отказавшись от “личной жизни”, забыв о “личных интересах”, став чем-то большим, чем просто личность, – орудием “железной воли” борющегося за выживание *сверхнарода*, созидающего сверхдержаву – основу нового, справедливого миропорядка – наперекор привыкшему доминировать в мировой истории Западу.

“Он с раздражением вспомнил о последнем, особенно уклончивом совместном послании Рузвельта и Черчилля, – читаем о Сталине во второй книге симоновской трилогии. – Сегодня он был еще бессилён заставить их поступить так, как это нужно ему. Иногда это чувство бессилия, соединенное с чувством одиночества, доводило его до холодного бешенства. Он был один против них двоих в этой сложной и утомительной игре, один против двоих сейчас, в этой переписке, и будет один против двоих, когда они наконец встретятся”³⁶. И далее – о “холодном усталом бешенстве”, которое Сталин

³² Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 134–135.

³³ Там же. С. 671, 663.

³⁴ Там же. С. 664.

³⁵ Рыбас С. Ю. Сталин. М., 2015. С. 324.

³⁶ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 670–671.

уже в 1943 году испытывал при мысли о союзниках – англосаксах, представлявших лишь одну половину на время разорванного войной западного мира, “но в конечном-то счете все равно единого в своем неприятии нас”³⁷.

Перечитывая трилогию Константина Симонова сегодня, невольно начинаешь смотреть на Сталина глазами любимого персонажа писателя – командарма Серпилина, верящего в солдатское *братство во Христе, полурусского-полутатарина*, то есть и по крови своей, и по духу *евразийца*, готового (как и Синцов) отдать свою жизнь за Сталина, несмотря на четыре года, проведенные на Колыме. Хотя *точка зрения* Серпилина и не определяющая в романе, именно она позволяет приблизиться к разгадке духовно-исторической миссии Сталина как *Правителя красных земель*, призванного – подобно Александру Невскому и Михаилу Кутузову – к тому, чтобы остановить экспансию нигилистической, смертоносной, по своей скрытой сути, *романо-германской цивилизации*, которая до сих пор не может отказаться от идеи колонизации России-Евразии, предаваясь грезам уже не только об украинском черноземе и донбасском угле, но и о природных богатствах Сибири и Арктики. Практически Сталин противопоставил западной *воле к ничто* русскую *волю к жизни*. В этом и состоял глубинный, жизнеутверждающий смысл сталинского “отрицания отрицания” – принципа, усвоенного юным Иосифом в Тифлисской духовной семинарии в ходе штудирования Маркса, вскрывшего агрессивновампирическую природу западного капитализма, под “железной пятой” которого, в конце концов, оказались все народы Земли без исключения. Сталин и противопоставил этой “железной пяте” свою “железную волю”, то есть был вполне адекватен духу времени (*железному веку*).

До тех пор, пока русский народ сохраняет “ясный ум, стойкий характер и терпение”³⁸, о котором Верховный Главнокомандующий говорил 24 мая 1945 года в Георгиевском зале Кремля, он будет благодарен Сталину, по меньшей мере, за три исторические свершения: за нанесение удара возмездия по троцкизму, проводившему политику геноцида по отношению к коренному населению России и ее элитам, за организацию разгрома военно-политической машины Третьего Рейха и предотвращение атомных бомбардировок СССР нашими “союзниками” англосаксами – путем реализации советского атомного проекта. В нынешней обстановке сталинский опыт выстраивания отношений с Западом (Тегеран, Ялта, Потсдам, Нюрнберг и т. д.) самым неожиданным образом становится остро актуальным для России, трижды преданной и распятой в минувшем веке и воскресающей из мертвых в веке нынешнем. Настало время, когда и слепые прозревают: Сталин остается в недосягаемом для политических карликов сонме *великих*, среди *мертвых*, которые не мертвы, постоянно напоминая о себе нам – *живым*, доводя до истерики бесноватых адептов “десталинизации”. Имя Верховного Главнокомандующего – маршала нашей Великой Победы – никогда не изгладится из *книги жизни*.

---

³⁷ Там же. С. 671.

³⁸ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 599.